

УДК 785.161
ББК Щ318.5
Код ВАК 10.01.08
ГРНТИ 17.07.25

Т. М. МИХАЛЕВА

Москва

ТЕМА БЕЗУМИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ГРУППЫ «КОРОЛЬ И ШУТ»

Аннотация. Статья посвящена теме безумия в творчестве группы «Король и Шут», приводится классификация безумцев, анализируются их образы и сюжеты песен, в которых они встречаются. Безумие связано с борьбой против системы (образ шута прекрасно вписывается в атмосферу панк-рока); случайностью и злым роком (и их персонификациями: скоморохом, карликом, Джокером); переживанием ужасного; театральным искусством (смех как причина безумия). Поднимается тема нелогичного, одновременно пугающего и смешного мира, полного абсурда и безумия, в котором зрители являются и актёрами, и зрителями (как на карнавале, согласно теории Бахтина).

Ключевые слова: панк-рок, рок-группы, рок-музыка, безумие, абсурд, шуты, скоморохи, музыкальное творчество.

Сведения об авторе: Михалева Татьяна Михайловна, выпускница Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (факультет журналистики).

Контакты: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1; werewolf-tatiana@yandex.ru.

T. M. MIKHALEVA

Moscow

THE INSANITY PHENOMENON IN SONGS OF THE GROUP «KOROL I SHUT»

Annotation. The article deals with phenomenon of insanity in songs of group «Korol i Shut», gives the classification of their madmen and analysis of madmen`s characters and stories. The insanity is connected with struggle against the system and society rules (and the jester perfectly fits the punk-rock atmosphere); with fate (represented by skomorokh, dwarf, Joker); emotional experience of terror; dramatic art (laugh as the cause of insanity). The article touches upon a subject of illogical, preposterous, both dreadful and funny world, in which people are actors and spectators the same way as on the carnival (such carnival depicted by M. Bakhtin).

Key words: punk-rock, rock bands, rock music, insanity, nonsense, jesters, skomorokhs, musical creativity.

About the author: Mikhaleva Tatiana Mikhailovna, graduate of the Lomonosov Moscow State University.

В статье мы обратимся к образам безумцев в песнях группы «Король и Шут».

По жанру творчество группы относится к панк-року (с элементами фолка и хоррора), хотя считается, что «КиШ»² стоит³ особняком благодаря своим необычным для этого жанра текстам. Авторы активно обращаются к фольклору, чтобы с его помощью создавать интересные, необычные и актуальные истории, в которых сказочное изменяется, доводится до абсурда или сочетается с социальной проблематикой, выводящей сказочное на новый уровень и делающей известные сюжеты нетривиальными.

Тема безумия оказывается востребованной группой потому, что она включается в истории о противоборстве героев с системой. На борьбу с нелогичностью системы, глупостью, бесчеловечностью, дискриминацией по различным признакам, стереотипами направлено движение панка в целом [10, с. 98–130]. Острота темы безумия обусловлена ещё и её динамичностью: с героем происходит что-то ужасное, потрясающее своей внезапностью и бесосновательностью, из-за чего они сходят с ума; безумцы (или «безумцы»), так как это определение бывает субъективным) портят жизнь обычным людям, наказывают их за беспечность, жадность, глупость – пытаются таким образом восстановить утраченную справедливость. Культура всегда тяготеет к тому, что противоречит обыденности и здравому смыслу, что связано с риском и опасностью, и всё это воспринимаются аудиторией как «неотъемлемый элемент существенных перемен к лучшему, и, видимо, по этой причине такие состояния [т. е. критические состояния вблизи фазовых переходов, в нашем случае это «нормальность – безумие» – Т.М.] на уровне безусловных, врождённых рефлексов связаны с эмоциональными реакциями наслаждения, удовольствия, радостного волнения» [3, с. 100–101]. Поэтому выбор сказочных историй, в которых действуют безумцы и говорится о безумии, рассчитан на жажду широкой аудитории испытать катарсис, ужаснуться, посмеяться.

Существует перечень-классификация психических расстройств [7], но имеется также и обыденное понимание безумия, выступающего как некий социальный конструкт (некоторая социальная группа стигматизирует другую, именуя её членов сумасшедшими, проводя границу между собой и ими, подчёркивая собственную значимость в своих же глазах). Что касается второго, то признанный безумным персонаж может совершать некоторые поступки, которые расцениваются социумом как нарушение норм и правил поведения или же, наоборот, – не совершать необходимых действий. Такое понятие безумия меняется со временем (и местом): то, что кажется обычным и естественным в настоящем, могло восприниматься как безумство в прошлом (и наоборот)⁴. Отношение к нелогичным, безумным,

© Михалева Т. М., 2017

² Будем писать так для краткости, хотя сами участники группы предпочитают, чтобы их сокращённо именовали «шутами» [4].

³ Группа прекратила своё существование в связи со смертью одного из основателей.

⁴ См., например, об изменении отношения к безумию в европейской культуре [13].

неверным действиям могло полностью меняться при попадании в литературу: см. точку зрения В. Проппа, утверждавшего, что герой в сказках (нередко являвшийся дурнем), совершавший некоторые поступки, одобряемые сказкой, в действительности мог быть порицаем за них [11, с. 11–12]¹. Тема отражения безумия в культуре обширна, поэтому мы сосредоточимся только на текстах «КиШ» и образах безумцев в них.

Образы безумцев и их истории у «КиШ» отличаются разнообразием². Выделим следующие группы:

1) дурни (сказочного плана);

2) обычные люди, которых внезапно сводит с ума нечто (страшное событие, действия злого сверхъестественного существа или человека); отнесём сюда и рассказы об отдельных дурацких поступках, совершаемых людьми, которые не являются дурнями изначально, но и не сходят с ума (находятся в пограничном состоянии);

3) шуты (скоморохи, клоуны, карлики, Джокер, «злбный гений» литературы, некоторые из которых являются трикстерами). Шут видит разницу между добром и злом, трикстер – нет, однако мы помещаем данных героев в одну группу из-за их слитности во многих случаях.

1. Дурни

В текстах встречаются образы дураков сказочного типажа («Смелчак и ветер»), «Дурак и молния», «Про Ивана», «Защитник свиней», «Представляю я»). Дураки из песен «Смелчак и ветер» и «Дурак и молния» пытаются обуздать сильный ветер и поймать в сумку молнию соответственно, то есть фактически уподобиться божествам или культурным героям, борющимся с хаосом, меняющим ландшафт, умиряющим стихии. Однако у бедняг ничего не выходит, несмотря на всю их самоуверенность («Сильный я и ловкий, ветра прочу»; «Сейчас поймаю тебя в сумку, и сверкать ты будешь в ней»), финал их историй комичен: первого дурака уносит ветер, и жители деревни находят его потом мирно спящим в стогу сена; второй дурак утром после грозы идёт по дороге, седой и взлохмаченный, и улыбается.

Трагикомичной оказывается история дурака Ивана («Про Ивана»), выбранного жителями деревни главным из-за самых длинных усов. Иван предлагает веселиться, благодаря чему должна, по его мнению, наладиться жизнь. Однако вскоре в деревне заканчивается еда, и жители, осознав, что Иван их обманул, вырывают дураку усы. Сказочной «реабилитации»³ дурака здесь не происходит, как и в песне «Защитник свиней», в которой дурня Степана отправляют бороться с вампиром, пьющим свиную кровь и тем досаждающим деревенским жителям. Герой не только отказывается вступать в конфликт с вампиром – он договаривается с ним убивать свиней вместе, так как односельчане дразнят Степана хряком, за что тот меч-

¹ Иногда психиатры берутся за исследование произведений литературы с тем, чтобы поставить героям диагнозы, например, героям исландских саг [18].

² За информацией об альбомах отсылаем читателей к официальному сайту группы [9].

³ Под «реабилитацией» мы понимаем достижение героем, которого считают недоумком, успеха, власти, богатства.

тает отомстить («Я такой же, как ты», – говорит он вампиру, подчёркивая их общее маргинальное положение). И здесь логика сказки нарушается.

Герой песни «Представляю я» предается фантазиям («Вот на стуле я сижу, во все стороны гляжу, представляю я себя в виде грозного царя»). «Царствование» героя заканчивается его свержением и гибелью: приятную картинку портит «больная голова» героя. Данный персонаж не назван дураком (повествование ведётся от первого лица), но эта история напоминает сказки, в которых недалекие герой / героиня также выдумывают целую историю с трагичным финалом и огорчаются из-за этого (см., например, сказку братьев Гримм [2]).

2. Нелогичное, дурацкое поведение (пограничное состояние) и истории о том, как обычные (изначально здоровые) герои сходят с ума

Близко к историям про настоящих дураков стоят рассказы про нелогичные действия героев, которых неверно именовать дурнями (они находятся скорее в пограничном состоянии). Таковы песни «Тяни!», «Прыгну со скалы», «Наблюдатель», «Любовь и пропеллер», «Фред». Герой песни «Тяни!» спрыгнул в пустой колодец, потому что его любви ищет «красавица одна», и равнодушный к ней герой предлагает ей вытянуть его из колодца, чего она сделать не сможет. Звучит тема одиночества персонажа, от лица которого ведётся рассказ, пытающегося избавиться от нелогичного, сумасшедшего мира и борющегося за собственный рассудок («Просто от суеты и от непонимания устал», «Я больше не хотел видеть, как вокруг меня сходят все с ума»). Герой песни «Фред», наоборот, сходит с ума от любви к найденному им в колодце скелету девушки, отгораживается от окружающих и из-за этого получает клеймо безумца.

Герой песни «Наблюдатель» не понимает, что нравящаяся ему девушка флиртует с ним – сюжет построен на неумении героя выстраивать коммуникацию (что нередко встречается в сказках).

«Прыгну со скалы» повествует об отчаянном шаге молодого человека, пытающегося самоубийством доказать свою значимость девушке. Примечательно начало песни: «С головы сорвал ветер мой колпак» (может быть, колпак шута или сумасшедшего?). Та же ситуация разворачивается в «Любви и пропеллере»: молодой человек делает пропеллер и бросается с утёса на глазах у девушки. Когда та огорчается, что не ценила героя, думая, что тот погиб, он поднимается наверх благодаря работающему пропеллеру, который, однако, тут же глохнет, и герой падает и разбивается¹. Желание травмировать себя и покончить жизнь самоубийством (и навязчивые идеи, как в «Любви и пропел-

¹ Подобные абсурдные юмористические концовки часты у «Короля и Шута» как в песнях со сказочной тематикой, так и в песнях общей тематики с социальной направленностью. Абсурдно и необычное поведение не только в сказочных историях, но и в «нейтральных» общего плана (например, герой несказочной песни «Забывшие ботинки» не желает покидать возлюбленную и уходит от неё то без сапог, то без штанов, создавая себе тем самым предлог вернуться; герой несказочной песни «Карапуз» субъективно именуется сумасшедшей девушкой, кинувшуюся к малышу вместо того, чтобы знакомиться с героем).

лере») характерно для пограничного состояния, когда человек ещё не болен, но и не может быть признан психически здоровым.

В перечисленных пяти композициях смешное-сказочное, характерное для историй о дураках из первой группы, уступает место трагичному, теме индивида и его переживаний.

На границе этих групп находится достаточно много песен, сочетающих то и другое. Они весьма разнообразны: сказочное может переплетаться с реальным, сюжеты могут быть трагичными, комичными, трагикомичными. Характерной их чертой является «чёрный юмор».

Близки к сказочным нарративам комичные «Паника в селе» (дед сходит с ума и начинает буйствовать, якобы увидев чёрта), «Что видел малыш» (ребёнок слушает болтовню деревенских кумушек, сочиняющих небылицы, начинает видеть всё это и сходит с ума). Однако сказочное здесь выступает в роли инструмента для создания вполне реалистичных историй: возможно, пьяному деду чёрт мерещится, а малыш болезненно впечатлителен, но сходят они с ума по-настоящему.

Сказочный мотив безумия из-за некого артефакта встречается в трагичной песне «Отец и маски»: герой покупает маски кабана, вурдалака и ведьмы своим детям, и они превращаются в чудовищ, надев их. Данная история апеллирует к вере в то, что маска (или одежда) может полностью изменять личность облачённого в неё – герой приобретает новую сущность, становится полностью неузнаваемым¹.

В песне «Спятил отец» ситуация некоторым образом переворачивается по отношению к сюжету песни «Отец и маски»: с ума сходит загруженный работой отец и затем отыгрывается на детях.

Сказочность песни «Мой характер» заключается в том, что герой, раньше бывший дураком, смог запереть свою тёмную безумную половину в подвале и стать хорошим парнем. Однако теперь он боится, что однажды его демон вырвется на волю. Тёмную половину можно назвать Тенью (в юнгианском смысле [17, с. 20–24]), однако тема борьбы с собственными недостатками и слабостью выводит нас с уровня сказки на уровень философских размышлений о двойственной природе человека. В песне «Рыцарь» герой убегает «из дурки», приходит к дому нравящейся ему женщины, начинает ломиться к ней в дверь. Нарушающего спокойствие хулигана увозят в «Козелке»: кажущийся изначально сказочным план сменяется реалистичным, рыцарь оказывается обычным хулиганом.

Особняком стоит песня «Дагон», являющаяся переложением одноименного рассказа Г. Лавкрафта [6], повествующая о страшном морском божестве. Благодаря Лавкрафту в литературу вошёл так называемый «космический ужас» – помешательство из-за столкновения с непостижимым. «КиШ» описывает ужасное подробнее Лавкрафта, для которого важнее ре-

¹ Однако здесь речь идёт не о возможности карнавальных масок, связанных с радостью перевоплощения и весёлым отрицанием тождества с самим собой! [1, с. 46].

акция героев на происходящее – безумие, однако показательно то, что этот сюжет Лавкрафта органично вписывается в истории «КиШ» о безумии.

К данной группе текстов надо отнести песни: «Бедняжка» и «Авантюрист», «Сосиска», затрагивающих философские проблемы, связанные с безумием, разобщённостью с обществом (тему одиночества индивида; как и в «Моём характере», но без сказочного плана). Первые две трагичны, третья комична. Лирический герой первой песни жалеет героиню, запертую в сумасшедшем доме, подчеркивая их сходство:

Я утешал её: «Не унывай, родная,
Сказать по правде, все мы не в своём уме,
Свои пороки глубоко в себе скрывая,
Мы очень мало знаем о себе».

Герой песни «Авантюрист» оказывается борцом с системой (частая тема для панк-рока): поэт-анархист, всегда боровшийся с несправедливостью мира, попадает в психбольницу:

С системой я биться
Готовлюсь, смеясь,
С безумием слиться,
Уже не боясь.

Трагизм ситуации заключён в том, что такой безумец для окружающих оказывается уже не человеком. Однако герой видит ситуацию иначе: не считая себе сумасшедшим, он боится сойти с ума и считает безумцами врачей:

Протест – объективен, успех наш – возможен,
И каждый, кто травит нас, будет низложен.
И те, кто всегда отдают здесь приказы,
Безумны не меньше – заметил я сразу.

Героя песни «Сосиска» беспричинно дразнят сосиской, из-за чего бедняга сходит с ума и начинает «вопить на луну». При всей комичности данной истории на первом плане стоит рассказ о жестокости социума, травмиющего индивида даже не ради развлечения, а абсолютно без причины.

3. Шут и близкие ему персонажи

Важнейшей для группы является тема шута, которая позволяет обращаться и к историям о борьбе индивида с системой, и к рассказам о безумии (реальном и мнимом). По словам Михаила Горшенёва, ему всегда был симпатичен шут, универсальный персонаж, хорошо вписывающийся в атмосферу панк-рока благодаря своим особым отношениям с системой [4]. Шут заменяется иногда эквивалентными ему скomorохами и клоунами, а также Джокером, суфлёром, карликом – хозяином кукольного театра. За образом шута стоит богатая культурная традиция, что делает его знаковой и прекрасно узнаваемой фигурой.

Шут и смежные с ним герои оказываются трикстерами, воплощениями рока и слепого случая, а не только рефлексирующими борцами с несправедливостью, видящими грань между добром и злом¹. Все это близко аудитории в равной степени (борьба с системой: слушатель поставит себя на место борца / борьба с роком: слушатель испытает желанный ужас, представив себя на месте жертвы). Шуты и близкие им существа, являющиеся как главными, так и второстепенными героями, встречаются в двенадцати песнях.

Шут возвышается над презренной толпой благодаря своему острому уму, чего недалекие обыватели не замечают². О подобном конфликте толпы и выделяющегося из неё индивида повествуют песни «Гимн шута», «Бал лицемеров», «Марионетки». Шут из первой песни призывает окружающих смеяться над ним, ведь его это не заденет, поскольку он сам имеет право смеяться над всеми (включая короля):

Искренне прошу – смейтесь надо мной,
Если это вам поможет!
Да, я с виду шут, но в душе король,
И никто как я не может!

От шута из «Бала лицемеров» не укрывается ничтожество придворных, прячущих лица под масками. Однако вечная трагедия шута в том, что серость и глупость толпы не победит даже его очищающий смех (впрочем, шут не упускает шанса покуражиться над ними: «Польстить им – словно нищим грош подать»).

Шут выступает на стороне «интеллектуальной анархии» (которая позволит, по словам Горшка, каждому быть честным с собой и другими и принимать все как есть [4]), честности и свободы искусства. Так, в песне «Энди Кауфман», посвящённой актёру-комику, шут одобряет его творчество, в то время как противопоставленный ему «консерватор» злится. В песне «Ром» шут вместе со священником развлекает лишённых выпивки посетителей трактира «шутовскими затеями и богословскими темами» (здесь важен симбиоз противоположных героев и, судя по всему, свобода их спора). В «Роме» шут – герой более эпизодический, чем в указанных выше песнях, как и в «Собрании». Эти шуты скорее дополняют своим появлением сюжеты.

Трикстер привлекателен тем, что он оказывается воплощением злого рока, внезапного удара из ниоткуда [15, с. 269]. Таковыми являются существа из песен «Джокер», «Король и шут», «Проказник скоморох», также сюда можно отнести и персонажей песен «Кукольный театр» и «Танец злобного гения».

¹ В сказках шут часто борется с несправедливостью, его проделки весьма жестоки, а его природа близка к трикстерской, хотя разница между справедливостью и несправедливостью ему известна [15, с. 72–73].

² Эта идея не нова: существует жанр «дурацкой литературы», берущей начало в Античности, в котором дураки высмеивают обычных людей, их пороки, глупость [7, стб. 251–252].

Существо из песни «Джокер» выступает на стороне игрока, помогая тому выигрывать в карты у противников, а затем предаёт его. Герой пытается прострелить карту с Джокером, но убивает одного из игроков. Шут и скоморох из второй и третьей песен смешат людей (печального короля и гостей на свадьбе), но всё заканчивается плохо: карлик-шут доводит до сумасшествия весь королевский двор, а скоморох крадёт невесту и исчезает сам. Изначальная дружба и веселье резко сменяется внезапной трагедией, козни трикстеров, с точки зрения героев-людей, ничем не мотивированы. Так же поступают и карлик из песни «Кукольный театр», приглашающий зрителей на представление, и гений романов из «Танца злобного гения», который может по собственной прихоти поменять смысл книги, заставив читателя «шагнуть в окно».

В более поздних альбомах «КиШ» возникает тема театра, которая проскальзывает и в ранних альбомах (например, песне «Кукольный театр»¹), связанная в том числе с темой шута и трикстера. Уже упомянутые «Марионетки» показывают героя-шута и как разнопланового актёра («Актёр-лицедей, добряк и злодей, не ради людей, а ради искусства»), и как кукловода, наслаждающегося игрой (придворные оказываются пешками, примеряющими короны, куклами, чьи «нервы словно нити»). Согласно теории Бахтина шуты и скоморохи карнавальной культуры находятся на грани повседневной жизни и искусства, а карнавал не знает рамп (зритель – это актёр, и наоборот), совмещая обе эти стороны [1, с. 12]², и «КиШ» рисует мир карнавала, где правят шуты.

Шут из «Бала лицемеров» именуется маскарад «шоу», на котором он поставит мат придворным. Борьба с системой, требующая душевных затрат и физических сил (не зря другому шуту угрожают расправой в «Гимне шута», к чему тот готов), обманчиво представляется веселой игрой – вероятно, для того, чтобы обмануть противников-вельмож – игроков со стороны системы.

К теории карнавальности отсылает и песня «Суфлёр»: суфлёр нашёптывает ложный монолог актёру и радуется, что зрители «нагло ржут» над испорченным великим произведением (ср. это с карнавальным осмеянием священного миропорядка, Писания [1, с. 19; 100]). Примечательно, что суфлёр вдруг называется «злобным шутом», который возникает из-под сцены подобно Оно З. Фрейда [12, с. 357–364], с которым не может совладать актёр, стоящий на сцене (Я соответственно). В финале разозлённый актёр гадит в суфлёрской будке, а рассказчик (исполнитель песни) советует актёрам учить свои монологи, не полагаясь на подсказки, и предостерегает актёров: «Как бы вами тот суфлёр в конце не стал». Я должно не поддаваться Оно, а стараться направлять его как всадник – коня [12, с. 363].

¹ Вероятно, именно к этому герою обращается рассказчик из песни «Театральный демон», радуясь тому, что «повелитель кукол жив» и наставляет теперь героя играть до смертного часа, преодолевая себя.

² Вспомним шекспировского героя, говорящего, что «весь мир – театр» [14, с. 585-586].

Тема театрального искусства связана с темой опасности и безумия не из-за ужаса, а от смеха. Представление может нести угрозу, как в «Тени клоуна» и «Продавце кошмаров» (хотя герой «Продавца» не шут, а исследователь человеческих душ, «делающий всё по-театральному» и пугающий прохожих), рассмешить и убить, как это происходит в «Кукольном театре». В «Тени клоуна» клоун смешит зрителей и кормит свою тень их безумием. Карлик из «Кукольного театра» приглашает всех на «вечер смеха и страстей»:

В кукольный театр всех карлик приглашал,
Кто вечером придёт, тот со смеху умрёт.

Актёры – живые куклы – во время выступления причиняют вред как самим себе (девушка разрывает себя на части), так и зрителям (ковбой расстреливает ползала, а потом убивает себя). Грань между сценой и залом снова оказывается призрачной, как и на карнавале, согласно теории Бахтина, а опасность подстерегает зрителя и героев в целом повсюду.

Таким образом, тема безумия в творчестве группы «Король и Шут» широка, обращение к ней дарит множество возможностей. Истории о безумных героях или тех, кто сходит с ума по каким-либо причинам, являются интригующими, пугающими (особенно если речь идёт о непреодолимых силах или сверхъестественных существах, угрожающих обычному человеку) – обращение к фольклору даёт материал для песен на подобную тему. Во-вторых, безумие связано с борьбой против системы (шут имеет право смеяться над священным, привычным, обличать пороки). В-третьих, говоря о безумии как социальном конструкте, можно рассуждать о природе человека: он одинок и не понят, изнутри его пожирают собственные демоны, Я и Оно сосуществуют в нём и борются (на это указывает название группы, которое можно понимать как противопоставление и, вместе с тем, объединение двух начал – хаоса и логоса). В-четвёртых, возникает тема искусства и театра, связанная с шутком-актёром (карликом-трикстером – хозяином кукольного театра), а также мира как вечного карнавала и мира, лишённого логики (к такому выводу подводят абсурдные финалы многих песен). Преодолеть эту нелогичность невозможно, остаётся лишь рассказывать о ней и смеяться (быть шутком самому).

Литература

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и ренессанса [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Художественная культура, 1990. – 543 с.
2. *Гримм Я., Гримм В. К.* Умная Эльза [Текст] / Я. Гримм, В. К. Гримм // Сказки. – Мн.: Польша, 1983. – 432 с. – С. 101–103.
3. *Евин И. А.* Искусство и синергетика [Текст] / И. А. Евин. – М.: «Либроком», 2013. – 208 с.
4. История группы «Король и шут». Глава девятая. Уроки панк-рока [Электронный ресурс] / Неофициальный сайт группы Король и Шут и

Княzz: сайт. – Режим доступа: <http://korol-i-shut.su/history/nashe/uroki-pank-roka.html> (дата обращения 03.01.2017).

5. История группы «Король и Шут». Глава третья. С виду шут, в душе король [Электронный ресурс] / Неофициальный сайт группы Король и Шут и Княzz: сайт. – Режим доступа: <http://korol-i-shut.su/history/nashe/svidu-shut-v-dushe-korol.html> (дата обращения 03.01.2017).

6. *Лавкрафт Г. Ф.* Дагон [Электронный ресурс] / Лавкрафт (Говард Филипс) По ту сторону сна; Сайт, посвященный писателю и его творчеству: сайт. – Режим доступа: <http://lovecraft.ru/texts/rus/dagon.html> (дата обращения 03.01.2017).

7. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.

8. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ-10) // Психические расстройства и расстройства поведения [Электронный ресурс] / Международная классификация болезней 10-го пересмотра: сайт. – Режим доступа: <http://mkb-10.com/index.php?pid=4001> (дата обращения 03.01.2017).

9. Официальный сайт группы «Король и шут» [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://www.korol-i-shut.ru/news/> (дата обращения 03.01.2017).

10. *О`Хара К.* Философия панка: больше чем шум [Текст] / К. О`Хара. – М.: НОТА-Р, 2004. – 206 с.

11. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп – М.: «Лабиринт», 2009. – 332 с.

12. *Фрейд З. Я* и Оно [Текст] / З. Фрейд. – Тбилиси: Мерани, 1991. – Книга 1. – 398 с. – С. 351–392.

13. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху [Текст] / М. Фуко. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 698 с.

14. *Шекспир В.* Как вам это понравится [Текст] / В. Шекспир / пер. с англ. Э. Линецкой, С. Маршака, П. Мелковой и др. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 736 с. – С. 547–640.

15. *Юдин Ю. И.* Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки) [Текст] / Ю. И. Юдин. – М.: Лабиринт, 2006. – 336 с.

16. *Юнг К. Г.* О психологии образа трикстера [Текст] / К. Г. Юнг // Алхимия снов. Четыре архетипа – М.: Медков С.Б., 2011. – 312 с. – С. 258–274.

17. *Юнг К. Г.* Эон [Текст] / К. Г. Юнг – М.: Аст: Аст Москва, 2009. – 411 с.

18. *Óttar Guðmundsson.* Hetjur og hugarvíl. Geðsjúkdómar og persónuleikaraskanir í Íslendingasögum [Текст] / Óttar Guðmundsson – Reykjavík: JPV útgáfa, 2012. – 238 s.